

Без вины преступница

детективная мелодрама

РОМАНОВА
ГАЛИНА

Детективная мелодрама

Галина Романова

Без вины преступница

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Без вины преступница / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2017 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-98136-6

Так бывает: жизнь, размеренная и рассчитанная, казалось, на годы вперед, неожиданно дает сбой, и все планы, и даже сама любовь летят в тартарары. Можно смириться, если виновница всех бед – ты сама, стоит бороться, если отвечать приходится за ошибки, которые ты совершила в прошлом. Но как прикажете жить, если судьба велит расплачиваться за долги, о которых ты даже не подозревала, потому что в семье тебе всегда ввали о прошлом? О том, что она дочь опасного преступника, Ольга узнала случайно, пытаясь вернуть своего непутевого жениха. Но как после всего, что она узнала, вернуть веру в то, что достойна счастья?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98136-6

© Романова Г. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Без вины преступница

Пролог

– Может, я могу быть еще чем-то полезен? – Молодой человек шумно сглотнул и добавил: – Вам.

Молодой человек был симпатичным, невероятно симпатичным. На его взгляд, подбородок мог быть более мужественным, а нос не столь изящным, но женщинам такие типажи нравятся. И не смущает их, глупых, что мускулатура у парня хлипкая и душонка мелкая. Конечно, они же видят только смазливую мордашу, слышат нежный голос и верят ему, бесконечно верят.

А он сам верил этому парню?

Он поиграл бокалом с виски, покрутил его в пальцах и снова внимательно оглядел парня.

Высокий, стройный, смазливый, исполнительный, готов ради денег на многое. Смотрит чисто, открыто, искренне.

Только вот преданности нет в этом взгляде. А это важно. Точно так же он станет смотреть и на другого работодателя, и на третьего. На любого, кто заплатит больше.

Нет, таким, как этот, верить нельзя. Его можно использовать, это несомненно. Он все сделает правильно, точно, без ляпов, но...

Но ведь предаст, подлец! При первом удобном случае предаст. Так рисковать он не может. Поэтому решил для себя: парень – материал списанный.

– Может, я и дальше могу быть вам полезен? – повторил гость настырно. – Кажется, я доказал свою способность...

Парень запнулся, подыскивая приличную замену слова «убивать». Нашелся, ты смотри.

Повертел покрасневшей шеей и выдал:

– Мне кажется, я доказал вам свою способность устранять помехи совершенно без всяких проблем. И следов.

Браво. Аплодисменты. Вот это вывернул! Предумышленное убийство с длительными пытками он назвал устранением помех. Вот это цинизм. Вот это мастер.

Он хмыкнул и пригубил из стакана, хотя пить в эту минуту не хотелось совсем. Сделал это больше для того, чтобы укрыться от настороженного взгляда молодого человека.

Он не был дураком, этот тихий подлый убийца, вползающий к вам в дом и в душу под видом милого добряка. Он был очень, очень опасным. И для него он когда-нибудь станет представлять опасность.

Поэтому?..

Поэтому от него надо будет в скором времени избавиться. Тихо, не наследив, как он это умеет.

– Не исключено, что в скором времени ты мне снова понадобишься, – соврал он не моргнув глазом.

– Спасибо! – выдохнул молодой человек с явным облегчением. Как будто он ему только что предложил подписать невероятно выгодный контракт, а не перспективу очередного убийства. – Большое спасибо! Вот увидите, я не подведу.

– Хорошо, хорошо, – поморщился он и отставил в сторону стакан. – Главное, не суесть. И никакой спешки. Пусть все идет своим чередом. Так, как шло.

– Пойдите! – Шея парня вытянулась из воротника толстого модного свитера. – Вы хотите сказать, что мне и дальше продолжать с ней... С ней жить?

– Да.

– Но как же так? Я не могу уже! Она мне противна, понимаете?

Парень разнервничался так сильно, что перестал себя контролировать и даже бросил пару сердитых взглядов в его сторону.

Ага, вот он и попался. Чуть что не по нраву, так сразу и уважение, и покорность побоку? Все правильно он насчет этого нахала решил, все путем.

– Я все понимаю. – Снисходительная улыбка в его сторону. – Конечно, понимаю. Это ненадолго, поверь. Но если ты сейчас сразу исчезнешь из ее жизни, это будет выглядеть подозрительно. Согласен?

Молодой человек ненадолго задумался. Потом нехотя кивнул:

– Да, вы правы, так сразу нельзя. Но...

– Поверь, это продлится недолго.

И про себя добавил: «Как и вся твоя никчемная подлая жизнь».

А вслух сказал:

– Пару месяцев придется потерпеть. А потом будешь свободен. Абсолютно свободен.

Глава 1

– Ты такая, такая...

Он долго подыскивал слова, даже хныкал потихоньку. То ли сердился на собственное красноречие, точнее, на его отсутствие, то ли просто надоело стоять вот так и что-то говорить попусту. Ничего в итоге так и не придумал и со вздохом закончил:

– Ты такая дура, Лялька!

– Меня зовут Ольгой, – напомнила она.

Глаза заволокло каким-то туманом. Сейчас она вообще ничего не видела. Стояла у окна в ясный декабрьский полдень и ничего не видела. Может, она и ослепла от этого ледяного света, заливающего улицы и делающего все вокруг одинаково белым и безликим? Или она ослепла от горя? От горького горя, которое случилось у нее в яркий воскресный полдень за три недели до главного праздника в году.

А что у нее случилось?

А то и случилось. Ее Вадик...

Ее необыкновенно милый, внимательный, нежный Вадик решил ее бросить. И сказал ей об этом после того, как они полтора часа с утра провели в постели отнюдь не за чтением книг. После того, как позавтракали. После того, как собрались прогуляться, может, сходить в кино или в боулинг.

И вдруг...

И вдруг он, уже надев куртку, швырнул куда-то в сторону перчатки. Встал, привалился задом к входной двери и буднично так, спокойно произнес:

– Все. Не могу больше.

– Что не можешь?

Она ничего не заподозрила, потому что он говорил совершенно спокойно. Она продолжала застегивать молнию на длинном, тесном в голенищах сапоге. И даже глаз на него не подняла.

– Не могу больше с тобой, Лялька.

– Сейчас, Вадик. Извини.

Она поняла его по-своему. Решила, что его раздражают затянувшиеся сборы.

– Эти дурацкие сапоги. Не надо мне было их покупать.

– Сапоги ни при чем, – вздохнул он, – сапоги отличные. Это ты дурацкая, Лялька. И я с тобой больше не могу.

– Что?

Она резко выпрямилась. Кровь отхлынула от лица, собралась густой лужей где-то в области желудка. Ей даже показалось, что там булькнуло. Бред!

– Что ты сказал?

Она произнесла это вслух или просто шевельнула губами? Или ее все-таки затопило той кровавой лужей, которая хлынула в душу?

– Я ухожу от тебя, Лялька. Уже собрал вещи.

И он!..

И он так сладко ей улыбнулся! Как будто бы говорил ей о чем-то невероятно приятном.

– Ты собрал вещи?

– Да.

– Но когда?

Она точно помнила, что вчера вечером все лежало на полках. Все его трусы, носки, майки и свитера. Все было на месте, она точно это знала, потому что относила ему в ванную свежее белье, которое он, как всегда, забыл взять.

– Но когда ты успел собрать вещи, Вадик?

Она все еще думала, что это шутка такая. Пусть злая, пусть неуместная, но шутка!

– Собрал вещи, пока ты красилась. – Он равнодушно пожал плечами и даже улыбнулся. – Ты сама знаешь, сколько времени у тебя это занимает.

Потом...

Что было потом? Кажется, она пошла из прихожей в гостиную в одном сапоге, который все же успела застегнуть. Упала в дорогое кожаное кресло, которое отец купил в подарок перед самой смертью. Съежилась, прижала руки к животу: внутри разом разболелось все. Как будто ее ранили ножом. Как будто долго избивали.

Попыталась заново повторить про себя все его слова. Повторила. Выходило очень гадко. И она, конечно, не смогла промолчать.

– Ты понимаешь? – Она подняла на него глаза, и этот взгляд его, видно, напугал, потому что он резко отвернулся.

– Понимаю. – Он вяло дернул плечами. – Но ничего не могу с собой поделать. Ты такая...

Потом он сказал, что она дура, что ему с ней тяжело. Что он дико устал под нее подстраиваться. Он хочет легкости и непринужденности. А с ней так не получается.

Оля к тому моменту уже выбралась из кресла. Стала к нему спиной и слепла от невероятно белого света за окном.

Вадик говорил недолго. Внезапно затих, вышел из комнаты. А через минуту с демонстративным грохотом швырнул ключи на столик под зеркалом и хлопнул дверью.

– Вот и все, – шепнула Оля белому свету за окном. – Вот и все. И его в моей жизни больше нет.

Кажется, те же самые слова она произнесла, когда умер отец. Внезапно умер, нелепо. И так же, как тогда, ее всю залило ослепительным светом.

Потом она странным образом прозрела и увидела, как из подъезда выходит Вадик и медленно шагает прочь. Левая рука в кармане куртки, в правой – сумка. Идет и тихонько ею помахивает – туда-сюда, туда-сюда. Походка неспешная, никакой суеты и нервозности. Даже с высоты ее седьмого этажа видно, что он выглядит удовлетворенным и если не счастливым, то не расстроенным точно.

Вот он остановился, потопал, стряхнул снег с ботинок. Левый немного пропускал влагу с внутренней стороны, возле большого пальца. Потом задрал голову, нашел ее окна. Вытащил из кармана левую руку и помахал. Ей помахал! И улыбнулся. Оля могла поклясться, что он улыбнулся.

– Сволочь! – крикнула она. И зачем-то добавила: – Чтоб ты сдох!

У Вадика такого в планах точно не было. Минуты через две, не больше, ослепительно улыбаясь ее окнам, во двор въехал вишневый внедорожник. Остановился возле ее бывшего парня. Вадик влез на пассажирское сиденье рядом с водителем. И они уехали.

Кто был за рулем, она, конечно, не видела с высоты седьмого этажа. Но почему-то казалось, что это должна быть женщина. Высокая, красивая, уверенная в себе, с легким характером и непринужденным отношением к жизни. Короче, полная ее противоположность. Та женщина, которая сделает Вадика счастливым. И которая, судя по всему, у него давно имела в запасе.

Оля еще долго стояла у окна. В теплой юбке, теплом свитере, черных шерстяных колготках и одном сапоге. Ей становилось то жарко, то холодно. То невероятно больно, то на удивление безразлично. Свет за окном менялся – из пронзительного белого превращался в серый. Скоро серые краски станут гуще, темнее, наступит ранний декабрьский вечер. А она все стоит, не двигаясь, у окна – несчастная, брошенная, в одном сапоге. Видно, Вадик был прав, когда называл ее нелепой. Она нелепая и смешная. Глупая и какая-то неправильная.

Другая непременно закатила бы истерику, потребовала объяснений. Попросила бы дать им двоим еще один шанс. А она что?

Она вместо таких вот логичных действий только и смогла, что съежиться в кресле и замолчать. Слушала и молчала.

Нет, он прав: она дура.

Серый свет за окном сделался густым, плотным. Скоро зажгутся фонари. А она только сейчас вдруг вспомнила, что не вымыла посуду после завтрака. Так же, не раздеваясь, в одном сапоге побрела на кухню. Долго прибирала, тщательно вымывая все следы Вадика.

Пепельница с одним окурком? В ведро! Весь пепел в ведро вместе с пепельницей, хоть она сама ее покупала!

Чайная пара дорогого коллекционного фарфора, ее подарок к прошлому Новому году? Туда же – в мусор! И плевать, что дорого. Плевать, что могло пригодиться.

Ей не могут пригодиться в будущей жизни никакие следы прошлого. Никакие! Так, кажется, говорил ее отец, которого она знала совсем недолго.

Он внезапно появился в ее жизни и так же внезапно исчез. Но за то время, что они провели под одной крышей, он намудрил – на сто жизней хватит.

Оля, если честно, иногда даже уставала от его многочисленных советов и афоризмов. Но молчала. Терпела внезапно объявившегося папашу, потому что к тому времени успела осиротеть дважды.

Первый раз – когда на ее пятнадцатилетие умерла мама, проболевшая большую часть жизни. Второй раз – когда умерла бабушка, от старости и болезней. Оле было тогда двадцать два года. А папаша заявился аккурат к ее двадцать пятому дню рождения и заявил, что поживает у нее немного. Потому что очень любит свою дочь, потому что переживает за нее. И еще потому, что ему негде пока жить.

Они стали жить вместе. И неплохо стали жить, кстати. Отец заботился о ней: возил на своей машине на работу, иногда встречал, когда она задерживалась. Часто баловал, покупал подарки. Потом заставил сдать на права и ездить на его машине. Оформил ее на Олю. Сделал в квартире, доставшейся Оле от бабки, недорогой ремонт. Обставил все три комнаты, плюс кухню и прихожую. Дорогой, добротной мебелью обставил. Откуда он брал деньги, если нигде не работал и ничем не занимался, Оля не знала. Но от вопросов воздерживалась – знала, что правду не услышит. А потом...

А потом в ее жизни появился Вадик. Вернее, сначала появился на фирме, где она работала, а потом уже стал частью ее жизни.

Он красиво ухаживал, был внимательным, трепетным, нежным, терпеливым. Познакомил Олю со своими родителями и настаивал на знакомстве с ее отцом. Она как могла оттягивала этот момент, поскольку совершенно ничего не знала о своем папаше и его реакцию предугадать не могла. Но однажды сдалась под натиском Вадика и привела его в дом.

Все сразу пошло не так. С порога! Когда Вадик протянул руку отцу, тот сделал вид, что не заметил. Вадик тогда тоже сделал вид, что понял, будто бы отец попросту не заметил ладонь, протянутую для рукопожатия. Разделся, прошел в гостиную и завел пустой светский разговор об инфляции и политике.

Оля была уверена, что он несет полную чушь. Лучше бы молчал. Тем более что с каждым словом отец становился все мрачнее. Чаепитие, которое она организовала, походило на поминки. Вадик уставился в свою чашку и тоже, наконец, замолчал. Отец не сводил с него пристального взгляда, а к чаю и сладостям даже не притронулся. Оля переводила глаза с отца на жениха и обратно. Никогда еще ей не было так неуютно в собственном доме.

Вадик в тот вечер поспешил уйти и больше в их доме при жизни отца не появлялся.

Отец же, как только за Вадиком закрылась дверь, первым делом спросил, где она откопала этого суслика. Да-да, так и сказал: суслика.

– Папа! Я попросила бы тебя...

Она принялась покусывать губы, чтобы не наговорить лишнего. Этот прием ее всегда выручал. Убрала со стола посуду, мыла ее долго, специально производя как можно больше шума. Сердито хмурясь, вытерла блюда из чайного сервиза, который купил отец. Сам он стоял тогда у двери, привалившись к притолоке, и смотрел на нее не отрываясь. А потом сказал, что она очень похожа на мать, когда злится. Что такая же красивая. И что он никому не даст ее в обиду. Никому, тем более каким-то сусликам.

– Пока я жив, ты под моей защитой, детка, – изрек и удалился в комнату, которая когда-то была спальней мамы.

Оля даже не успела спросить, почему они с мамой расстались. Что такого между ними могло произойти? Надо же, он до сих пор считает ее мать красивой. Но что тогда? Что помешало их счастью?

Она решила с ним серьезно поговорить, раз момент выдался такой подходящий. Уже подошла к его двери и даже занесла руку, чтобы постучать. Но...

Но не постучала. Потому что отец разговаривал по телефону. Грубо, гадко, страшно! Она резко опустила руку, отпрянула от его двери, попятилась и поспешила скрыться у себя. Хотелось как можно скорее забыть все эти странные слова, о значении которых она даже боялась догадываться.

Кажется, это называют воровским жаргоном?

Глава 2

Он отчаянно мерз на сильном ветру и сейчас ругал себя за легкомыслие. Он очень себя любил и редко когда бывал собою недоволен. Но именно сегодня себя стоило ругать.

К обеду улицы неожиданно выстудило, столбики термометров опустились до минус двадцати. Ближе к концу дня вдруг подул с севера и ветер погнал поземку по сугробам. В девять вечера город трещал от холода. Так, во всяком случае, ему казалось, пока он шел от автобусной остановки.

Отвратительно взвизгивал снег под ногами. Жалобно скрипели кожаные подошвы его дорогих, неуместных по такой погоде ботинок. Тонкий капюшон модной куртки не спасал. Сейчас этот капюшон задубел и гремел, как стеклянный.

Надо было одеться теплее. Надо было подумать, что придется идти пешком от остановки до нужного дома. Не исключено, что его не захотят встретить, как это уже бывало не раз. Не так уж далеко, но на таком холоде каждый метр – один к десяти.

«Странно все как-то», – вдруг забилося в голове, когда он уже прошел пару кварталов. И этот звонок, который отвлек его от важного занятия: он пересчитывал деньги и планировал жизнь на ближайшие полгода-год. И встреча, которой в принципе не должно было быть. И вопрос, который им предстояло обсудить, тоже казался глупым и надуманным.

А может?..

А может, это ловушка?

Он неожиданно сбавил шаг, а через пару метров и вовсе остановился. Покрутил головой, оглядывая ночную улицу. Пустынно, неуютно, темно. Чем не место?

Сделалось не по себе. Он бегом бросился к ресторану в паре десятков метров отсюда. Влетел на крыльцо, толкнул дверь, ворвался в теплое ресторанное нутро. Вкусно пахло кофе и дорогими духами. Он где-то слышал, что рестораторы сейчас вбахивают безумные деньги, чтобы в их заведениях пахло как-то так по-особенному. Он верил и не верил. Вот этому владельцу зачем такие траты? Бар при входе, огромная кофейная машина пыхает паром. Аромат кофе и без того проникает во все уголки. Плюс много нарядных барышень, вкусно пахнущих. Какая нужда тратить на отдушки?

Он бы не стал, решил он, усаживаясь у барной стойки. Заказал двойной капучино. Да, он был бы рачительным хозяином. Лучше вложить деньги в персонал. У него такого нерасторопного бармена точно бы не было.

– Ваш кофе. – Молодой человек вежливо улыбнулся и пододвинул ему пузатую белую чашку на блюдце.

– Спасибо, – недовольно пробормотал он.

Схватил чашку, с удовольствием втянул густой аромат. Это именно то, что ему сейчас нужно. Глоток обжигающего крепкого кофе с молочной пенкой. И время. Время все как следует обдумать.

Итак.

От заказчика, с которым, кажется, они обо всем договорились, неожиданно позвонили и назначили встречу. В десять вечера. У заказчика дома.

Так не бывало никогда. И не должно было быть. Почему он повелся? Почему поддался соблазну еще раз встретиться с ним? Они же обо всем договорились. Все решили, расставили точки над *i*. Зачем снова?

Или это был не заказчик, а кто-то другой? Тот, кто?..

– Черт! – Он вдруг отчетливо понял, в какую западню попал.

Поставил чашку на стойку. Достал телефон и, наплевав на категорический запрет, набрал заказчика. Тот долго не отвечал. Потом, наконец, раздалось недовольное:

– Разве мы не все выяснили в последнюю встречу?

– Д-да, извините, – заикаясь, зачастил он. Он уже понял, что не ошибся: это действительно ловушка. – Просто... Просто мне позвонили от вас и назначили встречу.

– От меня? Хм. – Недолгая пауза, а дальше на том конце осторожно поинтересовались: – Ошибки быть не могло? Точно от меня звонили? Ты узнал моего человека?

Узнал ли он? Кажется, да. Или ему только показалось, что узнал? Господи, он влип. Он, все знающий об осторожности и давно для себя решивший, что удача на его стороне, он попался? Влип?

Признаваться не хотелось. Он ответил как можно тверже:

– Скорее да, чем нет.

– Так вот, юноша! – Собеседник повысил голос. – Никто из моих людей тебе не звонил и не назначал встречу. И я, разумеется, не звонил. Зачем? Разве мы не выяснили все в последний раз? Совет хочешь?

– Разумеется.

Он будто ослеп, когда попытался нашарить чашку с остывающим кофе.

– Присмотрись к своему окружению. – Собеседник хихикнул. – И почаще оглядывайся, юноша! Бывай.

Он оглядывался, пока шел от ресторана к остановке. Оглядывался чаще, чем требовалось. Поэтому и не рассмотрел человека, который вдруг выступил из темноты и преградил ему дорогу.

– Привет, – тихо поприветствовал его этот человек и даже протянул руку в перчатке.

Он ответил и тоже протянул руку. Также в перчатке.

– Торопишься?

– Да-да, извините. Давайте не сегодня, хорошо?

– А не надо торопиться, – посоветовал тихий недружелюбный голос. – Все беды от спешки, поверь. Кто-то торопится стать известным, кто-то богатым, кто-то просто торопится жить. Ты себя к какой категории относишь?

– Что? Извините! – Он приложил руку к груди, в которой испуганно бухало сердце. – Мне правда дико некогда!

Кажется, у него перемерзло горло, когда он попытался быть вежливым. Слова выходили неуверенными, голос казался скрипучим. Или это снова скрипит снег под подошвами его тонких модных ботинок? Он начал обходить этого так некстати подвернувшегося знакомого незнакомца. Ему правда сейчас не до того. Ему на остановку, которая вот-вот покажется из-за угла.

– А я вот отношу тебя к категории дураков, которые решили, что могут усидеть на двух стульях. – Незнакомец как будто и не слышал его, даже пошел рядом. – Дураки думают, что могут одурачить всех вокруг. Двойным агентом себя возомнил, парень? Захотел урвать сразу с двух лопухов? Так ты нас называешь? Считаешь в своей келье наши деньги и ржешь?

Он даже ответить ничего не успел. Даже подумать не успел – отвлекся. Неосмотрительно отвлекся: наконец показалась автобусная остановка, и до нее было метров тридцать-пятьдесят, не больше. И там были люди!

Он ничего не успел. В голове как будто что-то разорвалось от странной неожиданной боли. Ноги подогнулись в коленях. Он упал, зарываясь лицом в снег. Хотелось и голову спрятать в сугробе, только бы защититься от ударов, которые сыпались один за другим. Один за другим, один за другим...

Глава 3

Оля не могла понять, чем так прогневала небеса. Что такого гадкого и подлого она могла совершить за свою недолгую жизнь? Несколько дней перебирала воспоминания, добралась до выпускной группы детского сада – все безрезультатно. Все ее дурные поступки можно было пересчитать по пальцам. И не было среди них ни одного такого, за который стоило бы так наказывать.

Началось все...

Да, сначала ее бросил Вадик. Гадко бросил, невзначай, походя, как резюмировала Алла Ивановна Суркова – ее коллега и просто очень хорошая женщина, негласно взявшая над ней, сироткой, шефство.

– Как руки помыл, Оленька! – фыркнула она с чувством, не отрывая взгляд от квартального отчета, который кровь из носу надо было сдать до праздников. – И радуйся, дуреха! Радуйся!

– Чему же радоваться-то, Алла Ивановна? – тихонько всхлипывала Оля в понедельник, а потом и во вторник, в среду и в четверг после злополучного воскресенья. – Все же было хорошо. Так хорошо!

– Значит, не так хорошо было, Олька. – Алла Ивановна сбилась в подсчетах, чертыхнулась и подняла на нее сердитые глаза. – Ничего хорошего, значит, у вас с ним не было, девочка! Ровно было, а не хорошо. И не реви, слышишь? Не реви!

– Я не реву, – пищала Оля и ревела.

Приходилось Алле Ивановне выбираться из-за стола, подходить к ней, уговаривать, гладить по голове и напоминать, что все еще у нее будет. Счастье, в смысле. И что она радоваться должна, что небо избавило ее от такого мерзавца.

К пятнице Оля более-менее справилась со слезами. Тоска осталась, конечно. Не такая острая, как неделю назад, но осталась. А слезы странно высохли. Она даже нашла в себе силы поехать в пятницу вечером с Аллой Ивановной на дачу и пробыть там до утра воскресенья.

Алла Ивановна ее без конца чем-то занимала. Они ходили на лыжах по раздолбанной лыжне, пекли пироги, играли в карты. Даже забрели с пирогами к Аллиной соседке. Оля отнекивалась, говорила, что неудобно, ее, Олю, там никто не знает. Но Алла Ивановна не дала ей договорить.

– Хватит квохтать, Олька! К Марии по субботам сыновья из города приезжают. Это сразу три мужика. Холостых! Перспективных! – Алла Ивановна протыкала указательным пальцем воздух над своей головой. – Она давно пристает – познакомь, мол, их с приличной девушкой. Идем, нечего рассиживаться!

Сыновья соседки, к разочарованию Аллы Ивановны, явились не сами, а с шумной компанией. Спокойных посиделок за самоваром не вышло. Было суетно, шумно, бестолково. Олю, по мнению Аллы Ивановны, никто не успел оценить. Даже Мария.

– Где уж в таком таборе? – возмущалась Алла Ивановна, когда они возвращались с дачи на Олиной машине. – Носилась, как с писаной торбой, с этой анемичной блондинкой. Как думаешь, кто из ее сыновей на ней женится, а, Олька? Вот уж повезло Машке так повезло!

Оля не знала. И совсем не хотела думать ни о сыновьях соседки, ни об их блондинке, которую они, кажется, не могли поделить и все время по этому поводу собачились.

Ей вообще не хотелось ни о чем думать. Она неплохо отдохнула, развеялась и теперь боялась, что тоска вернется, стоит ей только переступить порог квартиры.

Алла Ивановна ее молчание поняла по-своему. Развернулась к ней, подозрительно прищурилась.

– А ты чего это притихла, девочка? О ком думаешь? Не о том ли наголо бритом Степке, который без конца тебе мясо от мангала таскал, а?

Честно? Оля не очень хорошо помнила и самого Степку с наголо бритым черепом, и его неуклюжие ухаживания. Она все время думала о Вадике. И еще об отце, которому Вадик не понравился с первого взгляда, да так, что тот даже назвал его сусликом. Может, ее отец, которого она так и не успела узнать и полюбить по-настоящему, чувствовал в нем что-то гадкое? Знал заранее, что Вадик так подло с ней обойдется?

Какой там Степа?

– Даже думать о нем не смей! – авторитетно заявила Алла Ивановна.

– Почему? – отпрыгнула Оля.

Нет, она ничего такого, просто интересно стало, откуда вдруг категоричность.

Но Алла Ивановна снова все поняла по-своему.

– Я так и знала! – всплеснула она руками в кожаных зимних перчатках ярко-розового, между прочим, цвета. – Я так и знала, что он тебя заинтересует! Нет, вот почему, Олька, тебя все время тянет к мерзавцам?

Это Олю позабавило. Пришлось подавить улыбку и серьезно спросить:

– А он мерзавец, Алла Ивановна?

– Еще какой! Только на моей памяти он приезжал к Марии раз десять. И всякий раз с новой девицей.

– И что с того? – Оля равнодушно дернула плечами.

– Вот! Вот в чем ваша беда, молодежь! – Кисти рук Аллы Ивановны в ярко-розовых перчатках запорхали, как большие бабочки. – Все грани, все приличия стерты! Полная беспринципность! Просто переспали – и что с того? Секс не повод для знакомства!

– А он с ними со всеми спал? Вы уверены?

Вот зачем спросила? Оля покусала нижнюю губу. Алла Ивановна сразу начнет подозревать, что ее этот Степка действительно заинтересовал. Смешно, но она даже лица его не помнит.

– Не уверена, конечно, что с каждой спал. – Гнев Аллы Ивановны поутих. – Но мужик с такой симпатичной рожей не может быть нормальным.

– А она у него симпатичная? – зачем-то снова спросила Оля и тут же пожалела. – Не смейтесь, просто я его даже не помню.

– Да?

Алла Ивановна глянула на нее разочарованно. Помолчала и изрекла с тяжелым вздохом:

– А и ладно. Наверняка такой же подлец, как твой Вадик.

Остановились возле дома Аллы Ивановны. Оля помогла дотащить до подъезда сумки с вареньем и соленьями, которые Алла оставляла на зиму на даче. Они тепло простились, и Оля поехала к себе.

Она напрасно боялась собственных стен. Напрасно ждала, что одиночество навалится, стоит ей только перешагнуть порог квартиры. Одной ей удалось остаться очень не скоро.

Только-только она переоделась в домашний спортивный костюм в веселую красно-синюю полоску, как в дверь позвонили. Именно в дверь, а не по домофону. Она сначала обрадовалась, подумала, конечно, что Вадик опомнился и вернулся. Потом насторожилась: к ней никто и никогда не приходил в воскресенье. Никто, кроме Аллы Ивановны. Но она не могла, они двадцать минут назад расстались.

Оля подошла к двери, налегла на нее грудью и уставилась в дверной глазок. На лестничной клетке топтался коренастый мужик неопределенного возраста. Теплая черная куртка, небритое лицо, хмурый взгляд. Без шапки, с короткой стрижкой.

Мужик постоял минуту, потом громко крикнул:

– Ольга Викторовна, открывайте, я знаю, что вы дома!

– А вы кто? – спросила она тоже громко.

– Я из полиции. – Он сунул к глазку удостоверение. Фотография точно его.

Оля послушно открыла дверь. Отступила на шаг, но войти не пригласила.

– Что вам от меня нужно?

– Задать пару вопросов. – Мужик тяжело вздохнул и потер пятерней заросший подбородок. – Следственные мероприятия. Вы можете оказать содействие.

– Я? – Она выкатила нижнюю губу и с сомнением покачала головой. – Понятия не имею, чем я могу вам помочь.

– Я подсказу. – Он кивнул и переступил порог.

Захлопнул дверь, привалился к ней и спросил без всякого вступления:

– Вы знакомы с Синевым Вадимом Игоревичем?

– Знакома. Была.

В голове застучало: с чего вдруг он спрашивает? Вадик на нее жалобу, что ли, наката? Явился к начальству с претензиями, что пришлось уволиться прямо в понедельник после их неуклюжего расставания? Так она никому об этом не рассказывала, кроме Аллы Ивановны. А та лицо не столь влиятельное, чтобы его уволить. Он сам так решил, сам написал заявление и умчался со своей коробкой, полной всяких милых безделушек, еще до ее прихода на работу. Успел!

– Почему была? – Темные непроницаемые глаза полицейского тут же загорелись.

– Потому что мы теперь... В общем, мы жили вместе какое-то время. Вам это известно, видимо, раз вы здесь. А потом, – она неуверенно повела руками перед собой, – потом мы расстались.

– Как давно? Причина расставания? Простите, что интересуюсь, но это может быть важно.

Он достал из кармана куртки потрепанный блокнот и ручку и начал записывать. Пальцы у него были длинные, крепкие, с аккуратно подстриженными ногтями.

– Расстались неделю назад. В воскресенье. – Она говорила медленно, почти диктовала. – Вадик так захотел. Просто после завтрака забрал свои вещи и ушел.

– А причину? Причину назвал? – Полицейский медленно водил авторучкой по строчкам.

– Сказал, что... Что устал от меня. Что я дурацкая.

– Что? – Он вскинул глаза. – Дурацкая? А что, по этой причине можно расставаться?

– Видимо, да.

– А вы что? – Он снова уткнулся в блокнот.

– А я ничего.

– Отпустили?

– В каком смысле? – Она растерянно заморгала.

– Да в каком... – Гость поводил свободной рукой, и куртка мягко зашуршала. – Плакали, угрожали, закатили истерику – как это у вас, у женщин, бывает.

– Я не знаю, как бывает у других женщин. – Оля скорбно поджала губы, мотнула головой. – Не было истерик. Просто он сказал, что уходит. Я села в кресло и оцепенела, если для вас это так важно. И он ушел. А на другой день уволился из нашей фирмы. Успел уйти еще до моего прихода.

– И больше вы не виделись?

– Нет.

– И не созванивались?

– А зачем? Он, видно, не считал, что я поумнела за неделю.

– То есть вы не виделись и не созванивались в течение последних семи дней?

– Нет же, говорю вам. А почему вы, собственно, спрашиваете? – опомнилась она вдруг. – Что-то случилось? Он настроил на меня кляuzu?

– Кляuzu? С чего это?

Ее слова его развеселили. Он даже попытался улыбнуться, но вышло криво и некрасиво.

– Не знаю, я просто так подумала. А по какой еще причине вы могли здесь оказаться?

– По той, милая барышня, что вашего бывшего парня нашли с пробитой головой на улице.

– С пробитой головой? А почему нашли, он что, сам не мог до больницы дойти? Хотя бы «Скорую» вызвать – у него же всегда под рукой телефон!

Правда, что ли, она такая дура, как он говорил? Вот и полицейский смотрит на нее с сочувствием.

– Его нашли мертвым, Ольга Викторовна.

– Что?! – Она открыла рот, и следующее слово вылетело откуда-то прямо из сердца, потому что губами она точно не шевелила. – Мертвым?

– Да. Ваш бывший парень убит, предположительно прошлой ночью. Ведется следствие. Я нашел ваш номер в его телефонной книжке, навел справки и узнал, что вы были не просто знакомы. Итак, где вы были прошлой ночью, Ольга Викторовна, что делали и кто может это подтвердить?

Она уставилась на него остекленевшими глазами. Некстати подумала, что, когда полтора года назад на улице нашли мертвым ее отца, такие вопросы ей никто не задавал. Никто ее тогда не спросил, где была, что делала и кто может это подтвердить. Хотя в его смерти, между прочим, было много странного, они с Аллой Ивановной об этом как раз говорили. Может, в полиции решили, что она настолько любила отца, что не смогла бы причинить ему вред?

А вот она до сих пор не знает, любила ли она отца и какие вообще чувства испытывала к нему те два года, что они провели рядом.

А Вадик...

Вадик появился в ее жизни стремительно и теперь так же стремительно исчез. Страшная, нелепая смерть. И страшные вопросы в ходе этих, как их там, следственных мероприятий.

– Ужас, – протянула она громким шепотом и сползла по стенке на пол. – Вадик убит? За что? Он же мирный человек! Тихий, неконфликтный...

– Но с вами конфликтовал, однако. – Полицейский резко опустил перед ней на корточки и пристально на нее уставился. – А ну отвечайте! Это вы его убили? Не смогли простить, что он вас бросил?

– Чушь какая! – Оля фыркнула неожиданно смело и даже весело. Быстро поднялась и отошла от грубияна на всякий случай на пару метров. – С какой стати мне его убивать? Я что, дура? Да и сил у меня не так много. И потом...

– И потом что?

Гость тоже встал и с хрустом потянулся, как будто только что выбрался из постели, хотя Оля подозревала, он в нее сегодня даже не попал. Если Вадика нашли ночью, а товарищ полицейский ведет следственные мероприятия и вдобавок небрит, то он точно не спал.

– У меня алиби. Так это, кажется, у вас называется? – Неожиданно для себя самой она предложила: – Послушайте, вы ведь наверняка не завтракали. Может, кофе? Или чай?

Он вздохнул, подумал, но так и не решился, отрицательно замотал головой:

– Нет, некогда. Но за предложение спасибо. Так где вы были минувшей ночью, Ольга Викторовна? – И он снова приготовился записывать.

Оля подробно рассказала, где и с кем провела пятницу, субботу и утро воскресенья. Позвонила Алле Ивановне и передала ему телефон. Разговор был недолгим. Алиби полно-

стью подтвердилось, полицейский явно был разочарован. Правда, в дверях нашел в себе силы принести извинения, что потревожил в выходной день.

– Да ладно, – Оля отмахнулась, – это же ваша работа.

– Да, и вот еще что. – Он неожиданно придержал растопыренной пятерней дверь, которую она уже собиралась захлопнуть. – Никакая вы не дурацкая.

– Что? – Она опешила.

– Нормальная вы девушка. Не дурацкая, говорю. – Он вымученно улыбнулся. – Сам он дурацкий, покойник этот. Задал нам выходные, блин.

И ушел. А Оля тут же бросилась перезванивать Алле Ивановне, которая могла и приехать, не объясни она ей вовремя, что к чему. Та долго охала, сокрушалась, а закончила, разумеется, на свой манер:

– Нет худа без добра, вот что я тебе скажу, Олька. Господь тебя от него отвел, не иначе. А то и тебе могли бы голову снести. Отдыхай, дите мое. Завтра на работу, неделя напряженная. Отдыхай. Ты огурчики не забыла в машине? Замерзнут ведь.

– Не забыла.

– Вот свари картошечки и с огурчиками съешь. И масла в картошечку побольше добавь. Все, до завтра. Только прошу, не морочь себе голову из-за этого типа! Ты мало что о нем знаешь, чтобы так сокрушаться. Может, он того, бандитом был!

И отключилась. А Оля потом в мыслях все никак не могла закончить этот диалог.

Нет, ну какой же Вадик бандит? Не был он никаким бандитом! Не был никогда даже знаком ни с одним из них. За то время, что Оля с ним жила и встречалась, она ни разу не видела его в окружении сомнительных личностей. Ни разу. И родители у него милые, интеллигентные, так тепло с ней говорили, когда они вместе ужинали в ресторане.

Вадик был неплохим человеком, решила она минут через десять, ставя на огонь кастрюльку с начищенной картошкой. Решила все-таки последовать совету Аллы Ивановны.

Он был неплохим человеком. Просто не ее.

И снова звонок отвлек ее от хлопот. И снова в дверь! Да что за день сегодня такой!

Оля привычно налегла грудью на входную дверь и глянула в глазок. Может, полицейский вернулся? Может, о чем-то забыл спросить? Или запоздало решил воспользоваться предложением и выпить кофе?

Но на этот раз на лестничной площадке стоял не он. Какой-то незнакомый ей пожилой дядька в старомодной кожаной куртке с меховым воротником. Кожаная кепка с опущенными ушами, кожаные перчатки.

– Кто вы? – крикнула Оля. – Что вам нужно?

– Галкин Иван Андреевич, – представился дядька громко.

Сморщил лицо, стягивая перчатки, влез во внутренний карман куртки, достал удостоверение и показал его в глазок. На удостоверении точно была его фотография, только он там выглядел лет на пятнадцать моложе.

– Это старое удостоверение, гражданин, – прокричала она через дверь. – У вас там написано «милиция». А сейчас нет милиции, сейчас полиция!

Дядька неожиданно засмеялся и похвалил ее:

– Умная девочка, молодец. Да, я сейчас не работаю. – Смех оборвался. – Выгнали! Из-за гниды одной выгнали! Знаешь, из-за кого?

– Если вы сейчас же не уйдете, я вызову действующих сотрудников, – не слишком уверенно пригрозила она.

Услышал, надо же.

– Обойдемся без действующих сотрудников, девочка. Он же только что ушел отсюда, я с ним столкнулся. Сказал, что у тебя алиби на прошлую ночь. Так?

Оля не стала отвечать.

– Есть алиби, есть. Я это и без Жорки знаю.

Оля изумилась. Того полицейского, что совсем недавно ушел, в самом деле звали Георгием.

– Сын мне рассказал, Степка. Степан Галкин. Отдыхали вы вместе на даче у кого-то, – орал дядька на всю лестничную клетку. – Батя, говорит, девушка одна понравилась. Я бы, может, и не вострепнулся, если бы он твою фамилию не назвал. Как сказал, что Волгина Ольга, так у меня и щелкнуло. Впусти, а? Разговор есть серьезный.

Оля молчала и не открывала.

Степа? Тот самый Степа с наголо бритым черепом, который без конца подкладывал ей на тарелку здоровенные куски мяса? Вот уж точно, мир тесен! Он с ней едва знаком, а папаша ее откуда-то знает. Что-то, видите ли, щелкнуто у него, как только фамилию услышал.

Странно.

– А знаешь, девочка, кто та гнида, из-за которой меня с работы погнали? За пару недель до присвоения нового звания и повышения в должности? А, не знаешь! – Дядька вдруг сжал кулак и принялся барабанить в ее дверь. – А у гниды той имечко есть! Помирать стану – не забуду. Эта гнида – папашка твой, Ольга, Виктор Петрович Деревнин. Его я должен благодарить за загубленную карьеру и жизнь. Если бы не Степка, подход бы давно или спился. Не хочешь ничего узнать о папашке своем героическом, а, Оля? Многого могу порассказать!

А кто бы не захотел? Кто бы устоял перед соблазном приподнять завесу над прошлым ее родителей?

Оля не устояла. Еще раз внимательно изучила недействительное удостоверение капитана Галкина и впустила в квартиру.

– Тебе не стоит меня бояться, девочка, – предупредил он сразу. – Расскажу тебе кое-что и уйду. Только это, Степке не говори, что я был у тебя, хорошо?

Оля передернула плечами. Она не собирается ничего говорить Степану, потому что вряд ли когда с ним увидится. Она даже лица его не помнит!

– Не поймет Степка. Не простит. – Галкин-старший вдруг втянул носом воздух. – Картошку варишь?

– Ой!

Оля бегом бросилась на кухню. Картошка давно кипела, расплескивая белую пену во все стороны. Оля сняла крышку, швырнула ее в раковину. Потыкала картошку ножом – почти готова. Обернулась.

Галкин стоял у стола и смотрел на нее. Вернее, рассматривал. Оля тоже прошла по нему изучающим взглядом.

Невысокий, сын намного выше. Лица его она не помнила, но что тот высокий – была уверена. У отца редкие светлые волосы. Взъерошенные кепкой, они сбились на макушке в комок, но он даже не попытался их расправить. Светлые серые глаза. В уголке левого глаза шрам, отчего веко полностью не открывалось, и глаз все время казался прищуренным. Морщинистое лицо, бесцветные губы. Сукулится, из-за этого кажется ниже сантиметров на десять. Старомодный свитер с вышитым на груди орлом, старомодные теплые брюки, махровые носки.

Ее гость был опрятным, но все равно казался запущенным, заброшенным каким-то. Как будто он никому не нужен. А как же Степа, его сын?

– Степка со мной не живет, – заявил Галкин.

Ей сделалось неуютно под его прищуренным взглядом. Или все-таки он не шурится, а так кажется только из-за шрама?

– И жалеть меня не надо, – попросил Галкин и потащил от стола тяжелый стул. – Я присяду, с твоего позволения. Чай и кофе не предлагай, не стану злоупотреблять твоим госте-

приимством. Я к тебе просто поговорить. Ты, Ольга, картошечку-то слей, а то переварится, не годная будет.

Она неожиданно послушалась. Слила кипяток, секунд десять подержала кастрюльку на огне уже без воды, чтобы картошка обсохла. Накрыла крышкой, сверху полотенце. Села за стол напротив Галкина.

Минуты две они молча смотрели друг другу в глаза.

– А ты молодец, – неожиданно похвалил он, – настырная. Не в матушку свою.

– Вы и ее знали? – Оля вздрогнула.

Надо же, день, полный сюрпризов. Нехороших, даже трагических.

– Знал. Представь, влюблен был немного, когда отец твой был у меня подследственным. Она уже тогда болела сильно, но все равно была красавица. Слаба духом только. Все ее ломали, как хотели, всяк на свой лад. Бабка твоя в свою сторону тянула, отец твой – в свою. Сволочь! – добавил Галкин с неожиданной ненавистью. – Сволочь! Прости, конечно, но это же он ее погубил!

– Вы можете не просить прощения. Я ничего не знала о нем в течение двадцати пяти лет. Может, он тоже ничего обо мне не знал?

– Нет, не так. – Галкин запротестовал, замотав головой. Комок волос на макушке стал разваливаться, как потревоженный ветром букет степного ковыля. – Он никогда не упускал тебя из виду, никогда. Просто не влезал в твою жизнь. Не афишировал, что у него есть такая дочка, умница и красавица.

Он осторожно поправил рассыпавшиеся прядки, пригладил их ладонью.

– Что ты знаешь о своем отце?

– Ничего. Я знала его всего полтора года. Летом его не стало.

Оля вздохнула и внезапно поняла, что ей было бы легче пережить разрыв с Вадиком, будь отец рядом.

– И ты так и не узнала, что он уголовник со стажем? – Галкин насмешливо скривил бескровные губы. – Убийца!

Оля оторопела. Она не знала, что делать. Возражать? Так она совершенно не знает правды о своем отце. Гневаться? А что, у нее есть на это право? Гнать этого Галкина вшаей? Нет, не может она его выгнать, ничего не узнав.

– Начал Витек Деревнин еще в подростках. Промышлял много чем. Ничем, скажу тебе, не брезговал, чтобы денежку сшибить. Периодически попадался. К двадцати годам оброс авторитетом, стал матерым вором. Женился на твоей матери. Как ее угораздило с ним связаться – до сих пор не могу понять. – В голосе Галкина послышалась затаенная боль. – Как ослепла на оба глаза, когда в него влюбилась. Как оглохла и не слышала, что о нем говорят. Станный вы народ, женщины. Матушка ее, конечно, против была, но кто же в таком деле слушает родителей! Потом ты родилась, Оля. Витек сел почти сразу же по делу об ограблении сети ювелирных магазинов. Пока сидел, твоя мать с ним развелась, даже на свидания не ездила. Хотя он старался ей помогать деньгами: награбленное-то сбыть успел. Деньги он припрятал, мы мало что нашли при задержании. Он, разумеется, не выложил ничего, чтобы ему срок скостили. Понимал, что все это туфта и ментовский развод.

– Что именно? Обещания скостить срок?

– Да. Витек, он матерый вор был. Словом, награбленное сдавать не стал. Он вообще, знаешь, был зажиточным вором. Не пропивал, не проигрывал в карты, не тратил на баб, как другие джентльмены удачи. У него всегда кубышка была.

– Дальше! – потребовала Оля. – Что было дальше?

Она боялась двинуться, боялась повернуть голову. В ее квартире все сделано и куплено на деньги отца. На деньги вора? Ужас!

– А дальше он вернулся. И попытался вернуть твою мать. Но она была непреклонна, не подпустила его ни к себе, ни к тебе. Могу только догадываться, каких сил ей это стоило. От этого она, может, и заболела. – Галкин опустил голову и мотнул ею с силой, как будто ос отгонял. – Если бы она его не так сильно любила, может, и не заболела бы. Тоска, тоска ее съела! А потом уже и болячка прицепилась. Но, к чести твоего папаши, он принял ее решение с достоинством. Не досаждал, не пытался вернуть, не угрожал. Просто ушел в тень и все.

Оля прикусила губу, чтобы нечаянно не начать хвалить своего покойного отца за благородство. Галкин догадался, ухмыльнулся зло.

– Не надо делать из него героя, девочка. Он им не был. Просто тоже, наверное, ее любил и не захотел делать больно ни ей, ни тебе. Вот и все.

Он запнулся и забарабанил узловатыми пальцами по столу. Взгляд его, устремленный мимо Ольги в проем окна, сделался пустым и безжизненным.

«Как у сумасшедшего», – поежилась она.

– Что, все? Это конец вашей истории? Но тогда у меня вопрос: чего он так долго ждал и не появлялся в моей жизни? Мамы не стало, потом бабушки. Я осталась одна, когда мне было двадцать два. А он пришел еще через три года! Почему?

– Потому что сидел, Оленька, – со злым удовлетворением хмыкнул Галкин. – Долго сидел. А как только вышел и узнал, что ты теперь живешь одна, без бабки, которая его ненавидела, так сразу и приехал. Я так думаю.

– Сидел? – ужаснулась она запоздало. Все что угодно она могла подумать о своем отце, но не то, что он явился к ней прямо с тюремных нар. И эхом повторила: – Снова сидел... Снова ограбил ювелирные магазины?

– Бери выше, девочка! – Галкин воскликнул так, как если бы его распирала гордость за преступления отца. – Банк! Он ограбил банк!

– Банк? Один? Я имею в виду: он что, один грабил банк? Это же нереально!

– Умница, девочка, – неожиданно похвалил Галкин.

Странно улыбнулся, глянул на нее со смесью алчности и удивления. Так их коммерческий директор смотрел на потенциальных клиентов – как будто собирался сожрать.

– Вот и я говорил всем и каждому, что это нереально, чтобы один человек провернул такую операцию. В одиночку вывести из строя сигнализацию, вскрыть хранилище, вытащить оттуда что можно и нельзя и вынести все это из банка. И заметь: скрыться с добычей до того, как приехали мы! Разве это возможно? Гудини нашелся! Вот ответь мне, ты же умница: разве так может быть?

Оля отрицательно мотнула головой, хотя в душе засомневалась. О способностях отца она могла только догадываться.

– Вот и я о том же всем твердил. Что не один он был и что основную, самую важную часть добычи унесли его подельники. Но, – Галкин грустно вздохнул и стал нервно царапать ноготь на большом пальце левой руки, – разве кто послушает! А когда я по именам назвал его возможных подельников, то есть соучастников преступления, меня и вовсе из органов поперли. Так-то, девочка.

– Выгнали из органов за версию? Как-то не очень убедительно звучит, Иван Андреевич.

Она вспомнила его имя и отчество и сама перепугалась. А не на генетическом ли уровне у нее такая память на имена представителей органов правопорядка? Пусть даже бывших. Он ведь представился ей скороговоркой еще на лестничной клетке, а она, выходит, запомнила. А предыдущий полицейский так вообще не представлялся, просто удостоверение показал, а она выхватила имя – Георгий. И фамилию его, кажется, тоже запомнила.

– А как фамилия Георгия, с которым вы столкнулись в моем подъезде? – Она решила себя проверить.

Или ей привиделось, или у нее действительно фотографическая память и удостоверение было на имя Георгия Окунева.

– Жоркина-то? – Галкин удивился. – Окунев, Георгий Михайлович Окунев. А что?

– Нет, ничего. – Ей совсем не понравилось, какие способности она нечаянно в себе открыла, и она поспешила вернуться к теме разговора. – Так почему вас выгнали из органов за версию? Что в этом такого, в самом деле? Поделились предположениями, дальше что? Заподозрили кого-то не того?

Ей показалось или Галкин побледнел? Хотя куда ему бледнеть, и без того кожа прозрачная. На землистом лице светло-голубые глаза казались совершенно бесцветными.

– А ты молодец, девочка, – в который раз похвалил он, но теперь как-то подозрительно слащаво. – Я и в самом деле заподозрил не тех, кого можно было подозревать. Оказалось, что я в их сторону и смотреть не имею права, не то что... А тебе отец что-то рассказывал, да?

– Нет, не рассказывал. – Оля вздохнула, качнула головой. – Станет он рассказывать о таком! Но вы сказали, что ему удалось уйти из банка с добычей. А как же вы вышли на него? Он что, по неосторожности оставил отпечатки пальцев?

– Молодец! – снова похвалил Галкин и обозлился. – Нет, пальцы он не оставлял. Он оставил кое-что похуже.

– Что же?

– Труп. Он оставил труп охранника банка. Папаша твой точно был уверен, что на него не выйдут, он все там подчистил. И ствол был левый, и отпечатков пальцев нет. Одного он не знал: хозяин банка повесил на каждого охранника крохотную такую видеокамеру. Новинка в те времена была, что ты! Стоила безумных денег, здесь купить было невозможно, только за границей. Так вот, записи с этих камер напрямую шли на компьютер в операторскую. Каждая смена – запись. Витек Деревнин, понятно, этого не знал. Он рацию каблуками ботинок об пол раскрошил, а насчет камеры не знал. Утром, когда уже следственные мероприятия шли полным ходом, нам директор банка эту запись и принес.

– А на ней мой отец выстрелом в лоб убивает охранника, так?

Оля поежилась от странного озноба. Она уже жалела, чтопустила в дом этого человека. Не нужны ей тайны ее родителей, совсем не нужны. Она прекрасно жила в неведении. Как она теперь должна чувствовать себя среди вещей, к которым прикасался ее отец? Среди вещей, купленных на деньги, на которых чья-то кровь!

– Не в лоб. – Голос Галкина вернул ее к реальности. – Охранника убили выстрелом в спину, пуля вошла прямо в сердце.

– Как это? – Оля встряхнулась. Что из вещей выбросить первым делом, она решит потом, успеет еще. – Как же установили, что он убил охранника, если выстрел был со спины? На спине у охранника тоже была камера?

– Нет. Камера была встроена в правый карман униформы. На записи четко видно, что именно твой отец грабил банк. Охранник застал его у распахнутой банковской ячейки.

– А убил тогда кто?

– Сочли, что он. – Галкин пожевал губами. – У меня были сомнения. Я говорил и буду говорить, что охранника убил кто-то другой. Тот, кто в ту ночь был вместе с Деревниным в банке. Но меня не послушали и выгнали. Убийцей признали Деревнина. На суде он молчал: не отрицал вину и не сознавался. И не сдал никого.

Оля же мысленно вернула пару шкафов со свалки обратно в комнаты.

С этой странной историей еще разбираться и разбираться. Правда, разбираться некому, а она не станет. Но вещи пусть пока поживут в ее доме, там видно будет.

– Вот такая история, девочка, приключилась много лет назад.

Странно, что, даже подведя черту, он остался сидеть за столом. По ее представлениям, ему давно пора было на выход. А ей пора обедать, если кусок ползет в горло.

Галкин сидел, продолжая царапать пожелтевший от возраста ноготь на большом пальце левой руки. Оля не выдержала этой звенящей тишины.

– Я все поняла, Иван Андреевич. – Она приподнялась и сделала шаг в сторону двери, намекая, что ему пора. – Мой отец был мерзавцем. Но его уже нет в живых, и поэтому...

– Ты веришь, что ружье, которое давно висит на стене, когда-нибудь да выстрелит? Ты веришь в это, Оля? – вдруг спросил он.

– Что? Какое ружье? Какое еще ружье, Иван Андреевич? У отца не было никакого ружья! В этом доме нет оружия!

Она стала терять терпение. Ей надоели загадки прошлого и двусмысленность настоящего. И она есть хочет, картошки с огурчиками Аллы Ивановны, действительно бесподобными. И чаю попить. И подумать в тишине. И погоревать по Вадиду, так странно ушедшему сначала из ее жизни, а потом из собственной.

А этот обиженный старик несет какой-то бред и ее заставляет все это слушать.

– Понимаешь... – Он снова безжизненно уставился в пролет окна. – Вот на стене висит ружье, заряженное. Об этом все знают, бояться его поначалу: оружие все-таки. Потом привыкают, почти забывают о нем. Никто уже не думает об опасности. А оно в один прекрасный день возьми и бабахни!

Оля испуганно попятилась.

Кого она впустила в дом, сумасшедшего? Он же безумный, сразу видно. Глаза остекленевшие, руки подрагивают, в углах рта сбилась слюна. И говорит бессвязно. А телефон остался в прихожей. Она даже добраться до него не успеет, чтобы вызвать помощь.

– Ты меня не бойся, Оля, я не сошел с ума. Это просто метафора.

Углы его увлажненного слюной рта ушли резко вниз. Галкин осторожно потрогал волосы, как будто они успели разлететься, как зонтики одуванчика. Поднялся.

– Я почему приходил-то, девочка... – Он поплелся в прихожую.

Оля двинулась за ним на приличном расстоянии.

– Я пришел потому, что ружье выстрелило.

– Какое ружье? Иван Андреевич, честно, вы меня пугаете!

Он хмыкнул. Подошел к зеркалу и очень осторожно надвинул кепку, будто боялся, что сойдет все волосы и они опадут к его ботинкам. Потом повернулся к ней и произнес с удовлетворением:

– А тебе и надо бояться, Оля. Пришло твое время бояться, понимаешь? Ружье-то выстрелило не просто так, а со значением. – Он вытащил из раздувшихся карманов толстые перчатки, стал их натягивать. – Сначала умирает твой отец при весьма загадочных обстоятельствах. Теперь Синев, и тоже весьма странно.

– Вадик? Вы знали Вадика? Откуда вы?..

Она запнулась. Только сейчас до нее дошло, что именно ради этого Галкин к ней и пришел. Все, что было сказано там, на кухне, было предисловием. А самое важное, то, что ее интересует больше всего, приберег на потом. Но говорить об этом подробно он почему-то не хочет.

– Вы знали Вадика? Ответьте!

– Лично знаком не был. – Рукой в перчатке он вдруг принялся вытирать заслюнявленный рот.

Господи, до чего он противный! Стоит ли вообще ему верить?

– Лично с ним знаком не был, но вот с его отцом... Хотя, если разобраться, и с его отцом я не успел познакомиться при его жизни.

– Отец Вадика умер? – вытаращилась Ольга. – А с кем же тогда он меня знакомил? Папа и мама...

– Не было у него никого, давно не было. Мать ушла следом за отцом. Не выдержала горя, спилась. С кем он тебя знакомил – лучше бы спросить у него, но теперь и не спросишь. Да, кстати. Так ведь и уйду и не скажу, зачем приходил. Ты такая болтушка, Оля, все время перебиваешь старика! – Он гадко хихикнул и уже от дверей обернулся на нее с ухмылкой. – Фамилия того охранника, которого пристрелил твой папашка, была Синев. Игорь Синев. Он, а не кто-то, с кем тебя познакомили, был родным отцом твоего погибшего Вадика. Твой жених – сын убитого твоим отцом охранника. Так-то, девочка.

Галкин вышел на лестничную клетку. Вяло козырнул ей почему-то левой рукой и медленно пошел к лифту, не переставая бормотать:

– Зачем Синев-младший появился в твоём доме? Вопрос. Почему после этого твой отец прожил недолго? Вопрос. Почему после смерти твоего отца сам Синев-младший прожил недолго? Вопрос. Забытое всеми ружье стреляет, стреляет...

Глава 4

– Алекс! Алекс, я так больше не могу! – Тонкие крылья ее точеного носика, за который он выложил безумные бабки, нервно затрепетали. – Так больше продолжаться не может!

– Как так?

Он глубоко и с удовольствием затаился и выпустил дым прямо в ее сторону. Нарочно. Чтобы она, наглотавшись дыма, поперхнулась, наконец, своими претензиями и перестала называть его Алексом.

Ага, не тут-то было. Она даже не заметила. Просто чуть отползла в сторону, чтобы лучше видеть его лицо, – как большая гладкая ящерица светло-шоколадного цвета. Уставилась на него карими своими глазами. Прямо в его переносицу уставилась, хотя прекрасно знала, как это его нервирует.

– Алекс, – протянула она, разгоняя дым рукой, потому что он снова им занавесился, – что ты молчишь?

– Что я должен сказать, малыш?

Честно? Ему вообще сейчас не хотелось говорить. После бешеного часового секса он был сыт и расслаблен. Не хотелось не то что отвечать на ее вопросы – лень было даже моргать. Он бы с удовольствием сейчас прикрыл глаза и подремал с полчаса, а потом бы занялся делами.

Но эта чертова баба сводила его с ума не только в постели. Она уже полгода вытрясала из него душу, требуя, чтобы он развелся с женой. Поначалу его это забавляло, потом раздражало и приводило в бешенство. Теперь стало просто скучно.

Он бы давно избавился от этой девки, если бы не определенные удобства, с ней связанные. Плюс он много вложил в эти лицо, грудь, фигуру и ноги, чтобы позволить кому-то после себя пользоваться всем этим добром.

– Когда, Алекс? Когда ты с ней разведешься?

Она еще сдвинулась на кровати и чуть приподнялась. Тяжелая грудь, стоявшая много больше ее точеного носика, колыхнулась, уперлась сосками в шелковую простыню. Хватит его еще на один раз или нет? Он засмотрелся, отвлекся и совсем пропустил ее следующие слова. Эхом догнало имя Стаса Бушина, его друга.

– Что ты только что сказала, детка?

Он повернулся на бок и глянул на ее рот с интересом. В меру пухлый, в меру сочный. Именно тот самый рот, какой он лично одобрил, когда явился с ней на прием к пластическому хирургу.

– Я сказала, что Стас Бушин, – кончик ее языка прошелся по силикону, обтянутому тонкой родной плотью губ, – разводится с женой и съезжается с Жанной.

– Да ладно! – Он недоверчиво хохотнул и тронул большим пальцем ее нижнюю губу, чуть ее комкая. – Не верю.

– Алекс, да погоди! – взвизгнула она и вскочила с кровати. – Я с тобой о серьезных вещах, а ты...

Она встала возле кровати, нервно переступая ногами, кусая губы и подергивая плечами, чтобы грудь соблазнительно колыхалась. Он засмотрелся, потом задумался.

Метр семьдесят девять отретушированного пластикой шикарного тела. Высокие скулы, пухлый рот, новый носик, ни единой складки на лице и шее. Все безупречно.

Но что же, мать твою, так скучно? От ее требований, от пустой болтовни или от мысли, что в ней нет ничего настоящего? В том числе, кстати, и мозгов. Их у нее, как он полагал, вообще нет, и это уже никакой хирург не исправит.

– Я тут подумал, – и грудь его дрогнула от еле сдерживаемого смеха, – подумал, детка, что наши с тобой дети могут родиться с твоим носом! Представляешь? Ты еще помнишь свой родной нос? Он же у тебя уточкой! Представляешь пацана с такой пипкой на лице? Вот умора, да?

И он заржал. Громко, с удовольствием. Его девушка, которой было слегка за двадцать пять и которая вполне могла быть его дочерью, оцепенела. Она даже рот приоткрыла, мысленно повторяя его слова. А потом рассвирепела.

– Ты! – прошипела она. – Ты сволочь, Алекс! Дети? Детей хочешь? А чего же твоя толстозадая женушка их тебе не нарожала, а?

Она так сильно орала и так сильно открывала рот, выплескивая на него обиду, что он даже перепугался. А ну как губки лопнут, и силикон потечет прямо по подбородку? Прямо на ее силиконовую грудь, которая нервно подергивалась сейчас прямо перед его глазами.

Он знал, что будет дальше. В какой-то момент ему надоест ее слушать, он рывкнет, может даже, засадит ей по щеке. Она забьется в угол и зарыдает. И так и просидит там бог знает сколько, поскуливая. Он однажды специально засекал: Вероника прорыдала без останки полтора часа. У него даже виски заломило от ее воя.

Скучища.

И вот зачем ему все это? Секс с Вероникой хорош, конечно, кто спорит, но не слишком ли дорого он платит? Во всех смыслах. Разве он не устал от этой девки, которая всеми правдами и неправдами собирается дотащить его до алтаря? Устал, давно устал.

Даже Симка, его верная жена и подруга, с которой они прожили двадцать лет, не выдержала и ушла от него пару месяцев назад. Сказала, что он ей надоел вместе с его перекачанной силиконом шалавой. Так и сказала. Врала, конечно, наполовину.

Нет, надоест он, может, ей и надоел. Он ведь не особо прятался с Вероникой, таскался с ней по всяким людным местам и важным мероприятиям. Симе об этом, конечно же, было известно. Но это не вся правда. А вся заключалась в том, что Сима, его верная жена и подруга, влюбилась. Так бывает, да. И ушла от мужа к своему возлюбленному, и улетели они куда-то в теплые страны на ПМЖ, и велели их не искать и не беспокоить.

А ему что? Ему, честно, даже обидно не было. Отпустил. Само собой, никаких великодушных жестов в виде солидного денежного выходного пособия. Решила уйти к любимому – уходи, в чем пришла, никаких тебе золотых парашютов, дорогая. Она и ушла с небольшим чемоданчиком.

Об этом мало кто знал, кстати. Пару человек из его окружения – водитель и охранник, Симкина родня. И все, даже Стас Бушин не знал. Он бы тут же растрепал своей шалаве Жанке, а та – Веронике. И тогда только держись, Гнедых Александр Геннадьевич, покоя тебе не будет. Будет мозг выедать после каждого оргазма эта красота, слепленная вся сплошь на его бабки.

– Ты ответь мне, ответь! – никак не унималась Вероника и нервно выплясывала перед кроватью в чем мать родила. – Ответь, Алекс, сколько мне еще ждать? Я устала!

На последнем слоге ее голос взвился так высоко и зазвучал до того фальшиво и неприятно, что внутри у него что-то лопнуло. Какая-то долго сдерживаемая пружина сорвалась с крепежей и пошла раскручиваться с угрожающим повизгиванием.

– А ну заткнись, Вероничка.

Голос его прозвучал тихо и страшно. Он точно знал, что, когда он так говорит, его все боятся. Даже верная Симка, которая прошла с ним огонь, воду и медные трубы и которая могла пойти с ним врукопашную, затихала, когда он начинал так говорить.

– Как будто гремучая змея по траве ползет, Сашка! – признавалась она и боязливо дергала плечами. – Страшный ты все же человек, Сашка!..

Вероника захлебнулась гневом, как кипятком. Застыла с покрасневшим мгновенно лицом, глазки вытаращила, пухлые губки плотно сжала.

– В общем, так, Вероничка...

Саша скинул с себя теплое воздушное одеяло, натянутое в дорогой шелк. Свесил с кровати сначала одну ногу, потом другую, одним движением поднялся с кровати и застыл – голый, сильный, по-мужски красивый. Только невероятно холодный сейчас и опасный, это даже она понимала.

– Саша, ты чего? – Она неуверенно улыбнулась. – Прости меня. Сама не знаю, что я так разошлась. Жанка, наверное, подогрела. Все хвасталась и хвасталась с утра, весь мозг мне проела.

– Я сказал, заткнись, – так же тихо повторил он и сощурил глаза. Еще один страшный признак, стоивший многим здоровья.

– Ага, – качнула она головой, – я заткнусь. А что делать, Саш, после того как заткнусь?

– Собираться и валить, Вероничка.

Он взглядом прошелся по ее вещам, разбросанным по спальне. Он сам их разбросал каких-то пару часов назад: любил неистовство в прелюдии. Неистовство и даже грубость.

– Валить? – Она недоуменно поморгала, кивнула согласно. – Поняла, валить. А потом? Потом, Алекс?

– Я много раз просил тебя не называть меня Алексом, – почти ласково проговорил он и сделал неуверенный шаг в ее сторону. – Я ведь просил, Вероничка.

Видимо, дошло. Поняла своим куриным мозгом. Бросилась собирать вещи. Хватала с ковра трусы, чулки, платье, а сама опасливо на него косилась. И правильно делала. Спина к нему в такую минуту поворачиваться не стоило. Никогда.

– Значит, все, да? – заорала она от входной двери. Уже открыла ее, чтобы успеть удрать, если что-то пойдет не так. – Все?

– Да, – ответил он, не повышая голоса.

Но она слышала. Громко всхлипнула.

– Психопат!

И хлопнула дверью.

Догонять он не стал.

Во-первых, голый. Был бы на своей загородной даче, а не в многоквартирном доме, может, и бросился бы за ней. Поймал бы за космы и повозил по земле как следует, чтобы неповадно было пасть открывать. Но здесь так распускаться нельзя. Жилье элитное, престижный район. Многоэтажку населяют не простые смертные. В какую дверь ни пни – всюду чин, да какой.

Потому и сдержался, не бросился догонять нахалку. Но это не означало, что он ее простил. Наказание последует. Пока он не знает какое, но придумает что-нибудь.

Саша зажмурился и глубоко подышал с минуту. Обычно это помогало справиться с бешенством, разрывающим грудь, но сейчас помогло не очень. Что-то все равно теснилось внутри, нарастало, требовало выхода. Он точно знал, что не в Вероничке дело, что-то было еще. Что он упустил? Попробовал вспомнить последние события, мысленно отматывая день за днем всю неделю. Да нет, вроде все в порядке. И в бизнесе, и с друзьями. Что тогда? Чего его так ломает?

Может, он просто стареет? Теперь что, так и будет – его запросто сможет вывести из себя любая пустоголовая девка? И не просто вывести из себя, а довести до того страшного состояния, в котором он способен...

– Да пошло оно все, – буркнул Саша и двинулся в ванную.

Долго стоял под душем. Потом попытался побриться перед чертовым зеркалом, которое снова запотело. Он его трет полотенцем, а оно все равно мокрое! Что за вытяжку ему сделали в ванной, уроды!

Он еле остановил собственный кулак, который летел в самую середину проклятого зеркала. Тут же уставился в него с недоумением. Нет, что-то все же было не так. Что-то заставляло его психовать. Это нездоровый признак. Нехороший.

Он надел шелковый длинный халат – ткань липла к плохо вытертому телу. Попытался натянуть резиновые шлепки, но все попадал мимо пальцев. Плюнул и пошел босой.

Заглянул в кухню, где запросто поместился бы первый «А», в котором его Сима много лет назад начинала свою педагогическую деятельность. И чего вдруг вспомнил? Он недоуменно огляделся.

Надо же, первый «А». Сколько лет прошло! Все те первоклашки выросли давно, может, кого и в живых нет. И Симы самой у него нет. Уехала Сима, сбежала с любовником. А он отпустил, безропотно, как лох какой-нибудь. Надо было наказать ее хахалю. Хотя бы пару пальцев на левой руке сломать. А он отпустил, рогоносец чертов.

– Твою мать! – выругался Александр и поддел босой ногой попавшуюся на пути тяжелую модную табуретку.

И тут же взревел – от боли потемнело в глазах. Доковылял до дивана под окном, завалился на него. Подтянул ногу и минут пять массировал ушибленные пальцы. Не ругал себя за беспечность, нет. Его ушиб был следствием. Следствием странного состояния, которое однажды появившийся у него психоаналитик назвал состоянием зарождающейся агрессии. Неконтролируемой беспричинной агрессии.

– Санек, может, ты просто психопат? – потешалась тогда Симка. – Самый обыкновенный психопат и бандит?

– Может быть, – ответил он ей с осторожным смешком. – Но и этому должно быть объяснение. Я же мальчик из хорошей семьи. В этой среде такими просто так не становятся.

Как же давно это было! И психоаналитик этот дурацкий, которого он чуть не прибил за то, что тот умничал без меры и деньги с него тянул. И Симка, которую он ни разу в жизни пальцем не тронул. А стоило бы. Боялась бы его, как все, – глядишь, и не улетила бы с любовником в теплые страны. Продолжала бы жить с ним, наставлять, заботиться и за него бояться.

Это сейчас он немного притих, а раньше всегда ходил по краю. Невзирая на блестящее образование и хорошие манеры, он, Гнедых Александр Геннадьевич, все время ходил по краю.

Где-то в недрах его огромной квартиры, занимавшей весь четвертый этаж третьего подъезда, зазвонил мобильный. Наверняка в спальне. Доковыляет, нет? Успеет, пока на том конце не устанут ждать?

Успел. Звонил Стас Бушин – друг с пеленок, партнер по бизнесу, родной брат по пониманию жизни.

– С Вероничкой, что ли, кувыркаешься? Чего так долго не отвечал?

Сашка сразу насторожился. Вот такой тихий голос и деланое безразличие у Стаса всегда предвещали грозу.

– А тебе чего?

Он вернулся в кухню и полез в холодильник – чего-нибудь пожрать. После секса с Вероничкой он мог барана сожрать целиком и все было бы мало.

– Да так, воскресенье. Дай, думаю, позвоню.

– Позвонил?

– Вроде как.

– Пошел тогда к черту, – беззлобно сказал Сашка и вытащил вареную телятину, завернутую в фольгу.

Швырнул ее на разделочную доску. Зажал телефон между плечом и щекой и зашуршал блестящей упаковкой. Тут же оторвал кусок холодного нежного мяса и сунул в рот.

– Жрешь, что ли? – спросил Стас снова лениво и безразлично.

– И что? Жру! – пробубнил Сашка с набитым ртом.

– Понятно. Значит, свидание с Вероничкой удалось. – Он хихикнул. – А чего тогда выгнал ее, дружище? Если все шоколадно, а?

– О как. Уже настучала.

– А то. Она до первого этажа не доехала, уже Жанке звонила. – Стас посмеивался после каждого слова. – Рыдала. Обзывала тебя, между прочим.

– За это она еще ответит, – пообещал Сашка. Отрывал мясо пальцами и отправлял в рот кусок за куском.

Зачем, спрашивается? Ножи стояли перед ним, целый ряд сверкающих ручками ножей. А он рвал мясо пальцами и получал от этого кайф. Нет, точно с ним что-то не так.

– Не сомневаюсь, что ответит, – посерьезнел друг. – Прости одну дуру, вторая на шею тут же сядет. Правильно я говорю?

Сашка замер. Это что еще такое? Он на что намекает? На то, что он Симку отпустил без боя? Так голый отпустил, без копейки! Пусть, мать их, любовью завтракают и ужинают в своих теплых странах!

Но Стас-то откуда узнал?

– А ты думал, я не знаю?

В голосе друга послышалась обида.

– Откуда узнал?

Гнедых сощурился, попытался представить Симу, мило треплющуюся со Стасом и выбалтывающую ему свои женские секреты. Быть такого не могло. Эти двое друг друга, мягко говоря, недолюбливали.

Кто еще? Охранники? Водитель?

Тоже вряд ли. Ребята дорожат и работой, и здоровьем, против босса не пойдут. Родня Симы? Скорее всего.

– Не гадай, не гадай, дружище, – фыркнул Стас прямо в ухо. – Информация просочилась со стороны возлюбленного твоей Симули.

Имя бывшей жены друга Стас произнес с зубовным скрипом.

– Тебе, что ли, рассказал ее возлюбленный? – недоверчиво хмыкнул Гнедых. Доел мясо, потянулся за бумажным полотенцем.

– Не мне. Своей сестре. Та своей подруге, подруга еще одной подруге. Так вот инфа и докатилась до меня. Странно, брат.

– Что? Что тебе об этом не рассказал?

– Да нет, здесь все как раз понятно. Я мог сболтнуть Жанке, та непременно доложила бы Веронике. А она и так тебе весь мозг выела!

Все-таки как они друг друга чувствуют, а! Просто близнецы! Может, агрессия, проснувшаяся в нем, – следствие какой-то неразберихи в душе у Стаса? С чего он тогда разговор какой-то левый завел?

Что-то не так. Что-то точно не так.

– Так что странного-то, Стас?

– А то, что ты этого художника запросто так простил и отпустил. Я, конечно, все понимаю: ты человек на виду, цивилизованный, давно уже ничем таким не занимаешься. Но понимаешь, брат...

– Давай договаривай! – Сашка выхватил из шкафа початую бутылку виски и снова завалился на длинный широкий диван. – Братва не поймет, это ты хочешь сказать?

– Кодекс чести, брат! Его ведь никто не отменял, понимаешь? Если ты позволил какому-то лоху увести у тебя жену, так ведь у тебя можно и бизнес отнять, так?

– Не так. Это разные вещи.

Сделал глоток, обжег, опалил каждый нерв. Вдруг Сашка понял, что Стас прав, то, как он поступил с Симой и ее хахалем, – это слабость. Он точно стареет.

– Уважаемые люди не поняли бы, отпусти ты голубков безнаказанными, – закончил со вздохом друг.

– Та-ак. Это что значит? – Следующий глоток пошел веселее, он даже позволил себе рассмеяться. – Ты что натворил, гад? Отравил возлюбленным медовый месяц? Ты что, Симу?..

– Нет, Симу не посмел, – перебил Стас. – Твоя жена, даже бывшая, – это святое. А вот художнику персты да, слегка попортил, друг. Теперь он долго не сможет свои картинки художничать.

– Картины пишут, Стас, а не художничают. На какой руке, говоришь, пальцы поломал?

– На правой, конечно.

– Блин, а я на левой хотел, – признался Сашка.

Они ржали минут пять без остановки. Потом, когда уже виски оставалось на самом дне, он спохватился.

– Слушай, а ты ведь не из-за этого мне звонил, дружище. Что тебя так завело?

– С чего ты решил? – пробормотал Стас.

– Так бешусь не пойми чего уже час, не меньше. Не из-за Веронички, это точно.

– Нашел причину, – фыркнул Стас.

– Вот-вот, я о том же. А что-то кипит в груди, не пойму. Знаешь, я чуть зеркало в ванной не разбил.

– Зеркало за что?

– А запотело!

– А, это причина.

И вдруг спросил совершенно не уместную, на его, Сашкин, взгляд, штуку.

– Чего? – не понял он вопрос.

– Ты помнишь девчонку глазастенькую такую, с косичками, из первого «А» твоей Симки?

– Очумел, дружище?

Гнедых поставил на пол у диванной ножки почти опустевшую бутылку, вытаращился на дверной проем.

Какая девчонка? Из первого «А», в котором начинала работать его бывшая жена? Да это когда было! Он ту девчонку, которая без трусов от него час назад сбежала, почти не помнит. А тут первоклашка, которой теперь сколько? Правильно, двадцать семь лет. Так откуда, спрашивается?

– Ты обкурился, что ли, Стас?

– Знаешь, что не употребляю, – не обиделся друг. – А девчонку ты не забыл. Просто не думал о ней.

– А зачем мне? Ты скажи зачем, может, и вспомню.

– Красивая такая девочка. – Стас его как будто не слышал. – На первой парте перед учительницей твоей сидела всегда. Глаза здоровые, зеленые, как у ведьмы. Косы длинные, толстые. Смышленная такая девчонка была. Сразу сообразила, что ты муж училки. Все время тебе улыбалась и приглашала войти, когда ты в класс врвался.

Стоп.

В голове как будто лампочка взорвалась. Но не от виски, точно нет. Он вдруг мгновенно, как от вспышки, вспомнил события тех давних лет.

Вот он берет девочку на руки, сажает на колени, а Стас их фотографирует. Фотография вышла очень удачной. Сима грустно пошутила тогда, что он был бы хорошим отцом этой девочке, если бы она стала их родной дочерью. Потом, уже через пару четвертей, когда выяснилось, что у Симы не может быть детей, она не раз со слезами восклицала, что, если бы у Оленьки не было родителей, они бы могли ее удочерить.

– Оля! – крикнул он в трубку. – Ее звали Оля!

– Точно, – хмыкнул друг, – Оля Волгина. Умница-красавица, могла бы окончить школу с золотой медалью.

– А чего не окончила?

– Мать у нее умерла, когда ей пятнадцать было.

– А ты чего эту Олю вспомнил, а? Решил меня укорить, что не удочерил, когда осиротела?

– Так не осиротела она, брат. Бабка у нее была. И отец. – Отвратительным голосом Стас все это проговорил. – Никто бы тебе девочку не отдал, тем более папаша. Он хотя и не принимал активного участия в жизни дочери и не афишировал их родство, ничего бы тебе сделать не позволил. Хотя сам появился в жизни дочери, когда той уже четвертак стукнул.

– И?

В груди у Сашки снова закипал гнев. Заворочался там, заныл, заставил больно покусывать губы.

– Папаша никогда не упускал ее из виду, так говорят. Контролировал каждый ее шаг. А она, прикинь, об этом даже не знала.

– И что дальше? Конец у твоей замечательной истории будет?

Он сощурился, разозлился. Ясно, что финал, самый отвратительный финал, в предчувствии которого у него и ныла душа, еще впереди. И Стас не то чтобы его смакует, он просто не знает, как сказать. Потому что как пить дать это проблемный финал.

А проблем они не любили. Ни он, ни Стас.

– А конец такой, брат. Девочка, понимаешь, снова осиротела, полгода как. Теперь уже ни матери, ни бабки, ни отца. Так что можешь смело ее удочерять.

– Чокнулся, что ли? – Гнедых попытался грязно пошутить, потом выдохнул: – Не стану я никого удочерять, брат.

– А придется. Выбора у тебя нет. Как и у меня, Сашок.

– Чего так?

– Знаешь, как фамилия девчонки?

– Волгина?

– Нет, брат, это по матери. А фамилия ее отца – Деревнин. Витек Деревнин.

– Твою мать! – Он похолодел. – Витек? Он что, помер?

– Ага, полгода как, говорю же. Но, понимаешь, странно помер – на улице. Эксперты говорят: от переохладения.

– Летом?

– Вот и я о том же. Но сам догадываешься, где и как летом можно переохладиться.

Они помолчали, вспоминая один случай из их нехорошего прошлого.

– Дальше что? Помер Витек, одним звеном меньше. Нам же лучше!

– Как бы не так, Сашок. – Стас сделал нехорошую паузу. – Витек помер. А дочь его осталась.

– И что?

– А то, что ухажеры у нее стали появляться. Странные, скажу тебе, ухажеры. Вот после знакомства с ними Витек и помер.

– Ее проблемы, – буркнул Гнедых.

А внутри все заныло: да нет же, это их со Стасом проблемы тоже.

– Пускай так, – не стал спорить Стас. – Только неделю назад этот ухажер от нашей Оли ушел. А сегодня, прикинь, его находят мертвым. С пробитой на хрен башкой.

– Где находят? Когда?

– Ночью находят, Сашок. Где-то на улице. Мертвенький, холодненький.

– Она отомстила?

– Не мели чушь, брат. Хотя, если принять во внимание гены... Нет, глупости. Она не могла. По имеющейся у меня информации, саданули по башке сильно.

И снова молчание в телефонной трубке показалось невыносимо долгим. Как будто ему вот-вот должны зачитать приговор или поставить страшный диагноз.

– Что? Что ты сказал?

– Что слышал! – огрызнулся беззлобно Стас. – Фамилия ее ухажера – Синев. Была...

– Может, однофамильцы?

Он сам не верил, что так бывает. Вдруг показалось, что в темноте прихожей кто-то есть. Он точно заметил какое-то движение, без звуков и шорохов, как если бы сквозили чьи-то тени. Сделалось жутковато.

– Синев Вадим Игоревич, – пригвоздил Стас. – Это его сын, брат. Но и это не самое страшное.

– А что?

– А то, что сегодня днем, после того, как от Оли Волгиной убрался оперативник, к ней пожаловал гость. Как думаешь, кто?

– Галкин, – догадался он, – Галкин Иван Андреевич. Неужели жив еще, не подох?

– Думаю, и не собирается. Он живет всех живых, Сашок. – Стас протяжно вздохнул, потом замысловато выругался и закончил: – Пробыл у нее час, вышел с невероятно довольной рожей. Подвожу итог, Сашок. Чем довольнее будет у него рожа, тем скучнее она будет у нас с тобой. Так что девчонку тебе придется если не удочерить, то навестить непременно, Сашок. И как-то развлечь, еще лучше – отвлечь. А еще лучше – увлечь. Влюбленные дурочки, сам знаешь, такие доверчивые. Откровенные такие!..

Глава 5

Он ненавидел этот праздник давно. Терпеть не мог предпраздничную суету, когда народ накрывало общим безумием. С магазинных полок, как перед катастрофой, сметали продукты. Глупые люди с вытаращенными от азарта глазами носились по мнимым распродажам, хватая ненужные тряпки. Всеобщий хаос, истерика, суматоха, невозможность остановиться и подумать о прожитых месяцах, неделях, днях. Невозможно в такой спешке что-то осмыслить, проанализировать ошибки, сделать выводы. Строить планы тоже невозможно.

Разве так можно? Разве так нужно?

Уходящий год, его последние дни и часы нужно провожать тихо, перебирая в памяти событие за событием, как четки в руке.

У него был неплохой год. Можно сказать, хороший. Он много думал, неплохо поработал, в его давнем деле, которое казалось загубленным, наметился прорыв. Он нашел то, что не смог найти много лет назад. Нашел доказательство вины. Это оказалось просто. На удивление быстро обнаружилась связь между людьми, событиями и мотивом – так быстро, что он даже опешил. И что он сделал прежде всего?

Он позвонил. Изложил свою версию человеку, который был во всем виноват. В смерти людей, в его личной семейной трагедии, в загубленной карьере.

Тот его внимательно выслушал, спросил, чего он хочет. И согласился платить.

– Но мне нужны гарантии, – сказал он, когда второй раз заплатил крупную сумму. – Я не могу платить тебе вечно.

В ответ он тихо рассмеялся и ответил, что вечно не надо. Надо просто оплатить все его загубленные годы. Их пятнадцать, а пока он оплатил только два. Осталось тринадцать.

Тот обещал подумать и больше на связь не выходил.

Он его не торопил. Зачем? Пока на жизнь хватало, а что будет дальше – время покажет. Так он решил пару недель назад.

Но произошло неожиданное. Смерть молодого парня, которой не должно было быть в списке грехов этого человека.

– Это снова вам в минус, – спокойно сказал он ему сегодня утром. Специально позвонил, чтобы это сказать. – А мне в плюс.

– Это не мой грех, – ответил тот человек. – Ну же, где ваша ментовская проницательность? Подумайте, кому это выгодно.

– Подумал. Со всех сторон – выгода ваша. То есть, конечно, моя.

И так же просто, без апломба, без злости он потребовал еще денег. Теперь уже вне графика, который они составили.

Он будет платить, это понятно. Он, тот, что платил, знает, кем работает его сын. Знает, что все доказательства у него припрятаны в надежном месте, так что если что...

Обычная схема хорошо подготовленного шантажиста. А он хорошо подготовился. У него было время, целых пятнадцать лет. Пятнадцать лет он перебивался случайными заработками, пока, наконец, не ушел на пенсию. Бедствовал, иногда просто голодал, сидел на хлебе и чае. Теперь все. Теперь ему с лихвой должны компенсировать все лишения.

Он стал в тени автобусной остановки и осмотрелся.

Народу много. Кто-то пьян, кто-то весел. Это не важно, важен сам факт наличия свидетелей. При стольких глазах этот человек, с которым у них через час назначена встреча, не посмеет ему навредить.

Он нарочно приехал заранее: нужно было осмотреться. Оделся тепло, даже лишний свитер натянул. Теперь он мог сколько угодно гулять по ночным улицам, зная, что не замерзнет.

К нужному месту он свернул за десять минут до назначенного времени. Медленно пошел, суеверно отворачиваясь от того места, где несколько дней назад нашли убитого. Снег мелодично похрустывал под толстыми подошвами старомодных, но невероятно теплых ботинок. Из раскрытых окон доносились смех, музыка, нестройное пение.

Всеобщее безумие продолжалось. Он неодобрительно качнул головой, притормозил, чуть скосил взгляд назад и в сторону.

Как ему удалось отпрыгнуть так резво, он и сам не понял. Громадный внедорожник летел прямо на него. Пьяный там, что ли, за рулем? Или слепой?

Он встал, отряхнул снег, покрутил пальцем у виска, как будто задние фонари внедорожника могли его видеть, и пошел вперед, к ресторану. Странно, но захотелось вдруг человеческого присутствия. Пусть хмельного, но присутствия.

Он снова проглядел. Опомнился, только когда какая-то женщина на крыльце ресторана завизжала, тыча пальцем куда-то ему за спину.

Он обернулся. Тот же внедорожник катил снова на него. Это было явно намеренно. Это не пьяный лихач за рулем, сообразил он, переходя на бег. Это по его душу!

Ах, как хотелось теперь скинуть с себя всю эту тяжелую одежду! Как хотелось стать молодым и быстрым! Чтобы толстые подштанники не стесняли шаг, чтобы ботинки не тормозили мощными подошвами, чтобы неудобная куртка перестала давить на спину и плечи, делая его старым и неповоротливым.

Он ничего не успел. Мощная сила толкнула сзади, подбросила его высоко вверх. Он не успел убежать от убийцы. Не успел закончить то, чему посвятил жизнь.

Самое страшное, что он ничего, совсем ничего не успел рассказать сыну.

Глава 6

За окнами бесновалась новогодняя ночь. После боя курантов прошло полтора часа, веселье нарастало. В подъезде хлопали двери. Народ гоготал, пытался нескладно петь, отчаянно фальшивил, пускался в пляс и снова гоготал.

Почему обязательно надо так оглушительно смеяться? Оля поморщилась, подошла к подоконнику в кухне вплотную и стала рассматривать праздничную ночь сквозь холодное стекло.

На улице взрывались петарды, искрили дешевые фейерверки. Следы заметала метель, разыгравшаяся еще до полуночи. Но непогода никого не пугала. Люди выбегали из подъездов с непокрытыми головами, женщины – с голыми плечами и спинами, в накинутах пальто и шубах. Открывали шампанское, выкрикивали тосты. Веселье из домов плавно перетекало во двор на детскую площадку. Кто-то вытащил из машины колонки, постановил их на капоте, включил на полную мощность музыку. И началось!

И не к месту «Тополиный пух, жара, июнь», и «Очи черные», и даже почему-то «Севастопольский вальс». Никого, кроме нее, этот репертуар не смущал. Они прыгали, плясали, орали, обнимались. Пара мужиков в белоснежных рубашках уже отошла подальше для выяснения отношений.

Все как всегда. По обычному сценарию.

Оля со вздохом оттолкнулась от подоконника, оглядела стол, который зачем-то накрывала. Зачем? Она никогда не ест после девяти вечера. Гостей у нее быть не могло. Она никого не ждала и сама отказалась куда-то идти. Хотя ее звали.

Одна коллега настойчиво зазывала ее в ресторан, другая – на съемную квартиру на набережной, которую всегда снимала исключительно для празднования Нового года. И Алла Ивановна звала и настаивала. Даже требовала, чтобы Оля поехала с ней на дачу.

Она отказалась. Наврала с три короба о какой-то школьной подруге, которая обещала приехать вместе с мужем и ребенком. Исключительно ради конспирации бегала вместе с Аллой Ивановной по магазинам, скупала продукты, шампанское, вино, мандарины. Поддавшись всеобщему азарту, запекла утку в духовом шкафу, наделала салаты, нарезала сыр. Даже ананас не пощадила, располосовала на ровные колечки. И хотя она точно знала, что никакая школьная подруга с мужем и ребенком к ней не придет, потому что подруги такой не существовало в природе, достала праздничную шелковую скатерть с невероятно нежной вышивкой – на белом поле голубые снежинки. Вытащила из буфета красивую посуду, накрыла стол. Даже толстые праздничные свечи замотала сверкающей мишурой и ровно в двенадцать подожгла. И шампанское неумело открыла, залила шипучей пеной полстола.

Зачем? Для кого? Она его все равно пить не стала. Да и не любила она шампанское, от него у нее вечно болела голова. Оля сидела за столом, накрытым для веселья, наблюдала, как выстреливают из бокала пузырьки, ковыряла вилкой салат и все думала, думала.

Вадик нарочно ее бросил прямо перед праздником? Чтобы сделать побольнее? Он точно знал, что никогда так сильно не ощущаешь собственную ненужность, как в эту ночь. Наказал ее за отца.

Или это не он принял решение, а тот, кто увозил его на дорогой машине вишневого цвета? Кто, интересно, это был? Она ни разу не видела в его окружении человека на такой машине. Кто это мог быть? А что, если убийца? Или убийцы – те люди, что играли роли его отца и матери?

Она вспомнила театрализованное представление, устроенное Вадиком в ресторане, и всхлипнула.

Как нужно было ее ненавидеть, чтобы все это придумать? Знакомить с лжеродителями, признаваться в любви. Изображать заботу. Спать с ней, в конце концов! И все это ради чего? Ради мести?

Гадко. Гадко и неправдоподобно. А может, этот дядечка, который сильно напоминал сумасшедшего, все наврал? Может, его послал тот, кто стоит за гибелью Вадика?

Как же все запутано!

В два часа ночи, когда веселье под окнами пошло на убыль и наскакивающих друг на друга мужиков развели по домам, Оля принялась убирать со стола. Упаковала утку в фольгу, уложила ее в пластиковый контейнер с крышкой. Разложила по контейнерам салаты. Сгрузила посуду в машину. Сунула залитую шампанским скатерть в стиралку и пошла переодеваться.

Она для чего-то надевала нарядное платье! Идиотка. Кто мог ее увидеть, кроме собственного отражения в зеркале? Платье вернулось на плечики в шкаф. Оля влезла в теплый мохнатый костюм с заячьей мордой на груди, натянула теплые тапки, забилась в уголок дивана перед телевизором и только тогда потянулась за телефоном.

Она выключила его на эту ночь. Нарочно выключила, чтобы не звонили, чтобы не слышать шум чужого веселья и звон чужих бокалов. Аллу Ивановну она предупредила, что может быть вне зоны, остальные переживут. Да ей и звонить особо некому.

Оля включила телефон, и посыпались сообщения. Поздравления от коллег, начальника. Девушки, которые настойчиво зазывали ее в гости, несколько раз звонили, писали, негодовали, что она вне доступа. Алла Ивановна прислала сообщение в двенадцать ноль пять, теплое, милое, искреннее. Оля едва не прослезилась. Было еще несколько звонков с незнакомых номеров, которые она тут же удалила.

Не успела отложить телефон, как он немедленно зазвонил. Алла Ивановна, кто же еще.

– Девочка моя, как ты там? Не скучаешь?

– Да нет. Вот спать собираюсь, со стола уже убрала.

– Подруга, так я понимаю, не приехала? – усмехнулась Алла.

– В последнюю минуту позвонила и сказала, что ребенок заболел. – В эту минуту Оля ненавидела себя за то, что приходится врать хорошему человеку.

– Вот! А я говорила: надо было ехать со мной. У Марии такое веселье было! Я ноги сбила, так натанцевалась. И Степа был тоже. Помнишь того, с бритой головой?

– Не помню, – соврала она.

Зато она хорошо помнит его ненормального папашу, который явился без приглашения и все перевернул в ее душе. То ее отец убил человека, то не убивал, то снова убил. О каком-то ружье бормотал, которое, провисев без дела, теперь стреляет в ее сторону.

Бред. Ненормальный дядька.

– Ты знаешь, девочка, а он ничего! – вдруг пропела Алла Ивановна. – Степка, кто же! Такой милый. Весь вечер от меня не отходил и только и разговоров, что о тебе. Все выпрашивал, интересовался.

«Пусть бы у папы своего спросил, он много чего знает», – чуть не фыркнула Оля, но сдержалась. Она о том разговоре ничего никому не рассказала. Хвалиться нечем. Прошрое ее отца было темнее самой темной ночи, а главное, никто не знал о нем всей правды. Даже этот Галкин, свихнувшийся на идее восстановить справедливость, ничего не знал.

– Он был один, Оленька!

– Кто?

– Степа был один! И все время говорил о тебе. Ты меня не слушаешь, что ли, совсем, Оля?

– Слушаю, но...

– Что «но»? Что «но»? – затараторила Алла Ивановна. – Хороший парень! Юридический окончил, работает в следственном комитете. Отец – бывший полицейский, сейчас на пенсии. Мать тоже в каких-то чинах или в бизнесе, не поняла толком. Родители, правда, разошлись давно. Но это ничего не меняет, семья хорошая.

– Это он вам о себе так много рассказал? В новогоднюю ночь? Развлекал вас так?

– Да нет, что ты. Это все Маша о нем рассказала, ее сыновья с ним дружат давно. Рекомендую, Оля! Хороший парень. Вот Вадик твой, прости господи, был дрянной. А этот...

Алла Ивановна еще долго нахваливала Степана и его семью. Потом переключилась на блондинку, из-за которой у сыновей Марии минувшей ночью вышла ссора. Потом пошли рецепты удивительных закусок, которые она перепробовала в гостях, так что теперь мается желудком и никак не может уснуть. Потом спохватилась, что уже поздно и Оле давно пора спать. Начала бормотать извинения, потребовала пообещать, что Оля обязательно навестит ее на даче послезавтра, и простилась.

А у Оли, разомлевшей в теплом уголке перед телевизором, сон как рукой сняло.

Нет, что, в самом деле, позволяет себе этот Степа Галкин? Решил подобраться к ней через Аллу Ивановну? Через отца не вышло, так он...

А что? Запросто мог папашу к ней заслать, чтобы тот дал оценку потенциальной невестке. Но если его целью действительно была разведка, тактику он избрал не самую правильную, Оля теперь этого Степу будет за сто верст обходить.

Она слезла с дивана, пошла на кухню и принялась доставать вымытую посуду из посудомоечной машины. С шумом расставляла ее по полкам, мало заботясь, что грохот стоит неимоверный. Соседи или еще не спят, или уже спят, и их пушечным выстрелом не разбудишь. Постиралась скатерть, и она повесила ее на сушке в ванной, тщательно расправляя все складочки. Вдруг захотелось выпить чаю. Она зажгла огонь под чайником и в обход всех правил полезла в холодильник за тортом. Торт она тоже купила за компанию с Аллой Ивановной.

Отрезала здоровенный треугольник с клубникой и засахаренными вишнями и, не дожидаясь, пока закипит чайник, стала есть. Затошнило уже на четвертой ложке. От жирного крема, от невероятно сладких фруктов и сдобного бисквита.

Что она делает?

Оля со вздохом отправила недоеденный кусок в мусорное ведро. Выключила газ, свет, вернулась в гостиную. Снова нырнула под шерстяной плед и задремала под тихое мурлыканье телевизора. Но уснуть не успела: пискнул телефон. Она потянулась, нащарила, открыла папку сообщений.

«Вижу у вас свет. Не спите? Нужно срочно поговорить. Извините, что в такую ночь. Георгий Окунев».

Нет, ее не разбирало любопытство, когда она набивала ответ: «Заходите». Ее колотило от страха. Этот человек принес ей весть о смерти Вадика. Что на этот раз заставило его притащиться сюда, да еще в такую ночь? Снова кто-то умер?

Оля вытащила из шкафа толстую шерстяную кофту, которую на спор с Аллой Ивановной связала себе сама за две недели. Кофта получилась какой-то несурзной, но удивительно теплой и уютной, она всегда в нее куталась, когда мерзла. А сейчас ее, несмотря на двадцать пять градусов тепла в квартире, вдруг стало поколачивать.

Звонок. Оля посмотрела в дверной глазок: Окунев. В той же черной толстой куртке, снова такой же небритый. Еще более уставший взгляд.

– Входите, Георгий Михайлович. – Да, удивительная все-таки способность с лету запоминать имена полицейских. – Даже боюсь предположить, что привело вас ко мне. Что, снова кто-то умер?

Окунев вошел. Привалился к двери, тяжело вздохнул, глянул на нее почти с болью. Кивнул.

– Боюсь, что да.

Она почувствовала, что бледнеет.

– Кто?

– Ваш недавний гость. – Еще один вздох. – Иван Андреевич Галкин.

– Господи, нет! – вырвалось само собой.

Пускай этот дядька ей совсем не понравился, она вовсе не желала ему зла. И потом, он был отцом Степана, который празднует сейчас на даче у соседки Аллы Ивановны. Веселится и ни о чем таком не догадывается. Сама-то она Степана почти не помнит, но Алла Ивановна им просто очарована.

Только это все здесь при чем?

– Как это случилось? Когда?

– Пару часов назад его труп был обнаружен, не поверите, на том самом месте, где убили вашего бывшего парня Вадима Синева. Место такое проклятое, что ли? Зачем он туда поперся, да еще в новогоднюю ночь? Вот старый дурак!.. Послушайте, гражданка Волгина, можно я пройду, а?

Его правая рука неуверенно застыла на верхней пуговице толстой черной куртки.

– Входите уже, раз пришли, – махнула она рукой и поплелась в кухню.

Что-то подсказывало, что сейчас Окунев точно не откажется от кофе.

Он шуршал в прихожей своей нелепой курткой. Потом крикнул, нужно ли снимать ботинки. Оля прокричала в ответ, что, если его не затруднит, она была бы признательна. Даже подсказала, где найти гостевые тапочки, но Окунев тапки искать не стал.

Вошел в кухню в носках, сразу сел за стол. Странно, что на то же самое место, где не так давно сидел Галкин. Таким же пустым, пугающим взглядом уставился в окно. Их там учат, что ли, взглядам таким, безучастным, непроницаемым? Или он просто смертельно устал и борется со сном?

– Кофе будете? – Оля уже доставала кофейные чашки.

– Кофе? – Окунев помолчал и вдруг попросил почти жалобно: – А нет ничего съедобного, Ольга Викторовна? Уж простите великодушно, но сначала дежурство, потом, не успел до дома доехать, вызов на происшествие. Там на морозе проторчал три часа. Понимаю, это не по уставу, но... Просто в голову ничего не лезет, так есть хочется. А разговор у нас с вами получится не на пятнадцать минут.

– Оставьте, Георгий Михайлович. Все равно мне одной столько не съесть. Зачем-то готовила, хотя знала, что никто не придет.

– Я пришел. – Он пожал плечами, неуверенно улыбнулся и тут же смутился. – Извините.

Оля шагнула к холодильнику. Не зря хлопотала, хоть кому-то польза.

Достала утку из контейнера и прямо в фольге сунула в духовой шкаф на подогрев. Вытащила пару контейнеров с салатами, снова наполнила ими салатники. Тарелочку с сыром вытащила из-под пищевой пленки. Через пять минут накрыла стол. Поставила перед Окуневым чистую тарелку, разложила приборы, подала чистую льняную салфетку.

– Вы бы руки вымыли, Георгий Михайлович. На труп ведь выезжали.

Он резво вскочил, метнулся в ванную и там долго плескался. Когда вернулся, щетина на лице была влажной. Точно, боится уснуть.

Только сейчас она, наконец, внимательно его рассмотрела. Без куртки он оказался даже стройным. Длинные крепкие ноги в узких черных джинсах. Черный джемпер крупной вязки с высоким горлом. Широкие плечи, короткая стрижка. Небрит, как в прошлый раз. Глаза карие, нос с горбинкой, рот очерчен жесткой линией.

Мужик! Так, наверное, сказал бы Олин покойный отец. Интересно, как бы отнесся к тому, что Окунев мент? И что Оля кормит его за столом, купленным на его деньги? Да еще в новогоднюю ночь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.